

УДК 008

Артур Высоцкий

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ? СЛУЧАЙ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена поискам ответов на вопросы, касается ли, и если так, то в какой степени, кризис идентичности, источником которого является глобализация, современного польского общества. В ней представлена краткая характеристика глобализации в контексте тезиса об отмирании национальных идентичностей, обсуждаются три основные глобальные социальные процессы – релятивизация, фрагментация и детрадиционализация, объясняющие возрастание социальных точек соотнесения для создания единичных и коллективных идентичностей, а также основные стратегии преодоления кризиса идентичности – космополитизм и локализм. Анализ польского общества основан на данных социологических опросов и анализе избранного содержания общественного дискурса.

Ключевые слова: глобализация, национальная идентичность, космополитизм, локализм.

Wysocki A.

GLOBALIZATION AND THE CRISIS OF NATIONAL IDENTITIES? THE CASE OF POLISH SOCIETY

The paper attempts to answer the questions whether and to what extent the crisis of identity caused by globalization concerns today's Polish society. It provides a brief characteristic of globalization in the context of the idea of the decline of national identities and discusses three basic global social processes, that is relativization, fragmentation and detraditionalization that explain the rise of social reference points for creating individual and collective identities, as well as main strategies of getting through the crisis of identity, that is cosmopolitanism and localism. The analysis of Polish society is based on the data of social surveys and the analysis of selected topics of public discourse.

Key words: globalization, national identity, cosmopolitanism, localism.

Висоцький А.

ГЛОБАЛІЗАЦІЯ І КРИЗА НАЦІОНАЛЬНИХ ІДЕНТИЧНОСТЕЙ? ВИПАДОК ПОЛЬСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Стаття присвячена пошукам відповідей на питання, чи і наскільки криза ідентичності, спричинена глобалізацією, стосується сучасного польського суспільства. У ній подана коротка характеристика глобалізації в контексті тези про відмирання національних ідентичностей, обговорюються три основні глобальні соціальні процеси – релятивізація, фрагментація та детрадиціоналізація, що пояснюють зростання соціальних точок співвіднесення для творення одиничних і колективних ідентичностей, а також основні стратегії подолання кризи ідентичності – космополітизм і локалізм. Аналіз польського суспільства ґрунтується на даних соціологічних опитувань та аналізі вибраного змісту публічного дискурсу.

Ключові слова: глобалізація, національна ідентичність, космополітизм, локалізм.

В основе данной статьи лежит уже достаточно распространенная в современной научной литературе предпосылка, согласно которой в сфере культуры в широком понимании этого слова глобализация влечет за собой процессы релятивизации, фрагментации и детрадиционализации, ведущие к тому, что как индивиды, так и группы вынуждены намного более решительно, чем раньше, занимать позицию в вопросе собственной идентичности [2, 9, 13, 18]. Это занятие позиции может быть только осознанием индивида, кем он является, но может также иметь своим результатом создание, творение новых идентичностей. Нарушение чувства идентичности касается при этом как традиционных, локальных, так и весьма урбанизированных, гетерогенных в социальном и культурном отношении сообществ. Индивиды и группы в новой ситуации все реже могут уклоняться от попытки определения (или уточнения) собственной идентичности – чем более они погружены в глобальные социальные процессы, тем более эта проблема становится всеобщей, господствующей, жизненно важной для содержательного бытия и деятельности людей в социальной среде.

Эту ситуацию иногда определяют как кризис идентичности в условиях третьей волны глобализации [26]. Эта проблема в контексте новейших результатов социологических опросов, касающихся

национальной идентичности поляков и анализа избранного содержания публичного дискурса в Польше, является объектом анализа в данной статье. Основной вопрос звучит: касается ли, и если так, то в какой степени, кризис идентичности, источником которого является глобализация, современного польского общества?

1. О глобализации в контексте тезиса о кризисе национальной идентичности

Глобализацию уже сегодня понимают в основном как комплекс процессов, связанных с нарастающей взаимозависимостью государств, обществ, экономик и культур в мировом масштабе [3, 5, 11, 27]. Сегодняшняя волна этих процессов, вне всякого сомнения, связана с развитием современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), которые в наше время являются фундаментом коммуникации между людьми и делают возможным увеличение интенсивности и масштаба связей между идеями, благами, капиталами, людьми независимо от существующих формальных государственных, а также культурных границ. ИКТ невиданным ранее образом влияют на увеличение масштаба глобализации и в то же время глобализируются сами. Свидетельством технологической революции, которая происходит на наших глазах, являются некоторые особенности ИКТ, которые слабо или вообще не представлены в традиционных СМИ. К ним можно отнести мгновенность и асинхронность коммуникации (адресант и адресат не обязаны участвовать в процессе обмена информацией одновременно), объединение ролей адресанта и адресата, разрушение информационной монополии основных центров коммуникации, а также мультимедийность передаваемого содержания и его дигитализация, что ведет к конвергенции секторов телекоммуникации, информатики и масс-медиа.

Потенциально, в позитивном смысле, ИКТ в экономическом измерении могут способствовать снижению затрат на производство благ и предлагаемых услуг, увеличению эффективности, стимуляции и развитию новых секторов экономики и создания новых рабочих мест. В свою очередь, в политическом измерении они могут послужить увеличению плюрализации и прозрачности общественной жизни, гражданского контроля над ней или участия во власти. В социальном измерении ИКТ генерируют новые сети связей между людьми и социальными институтами, демократизируют доступ к информации, а также могут быть инструментом социальной и профессиональной активизации. В культурном измерении

современные информационные и коммуникационные технологии делают возможной, помимо всего прочего, глобальную циркуляцию художественного творчества, обмен идеями или присутствие в глобальной циркуляции «производимых» на локальном уровне ценностей, норм и образцов поведения. Открытым остается вопрос, насколько этот потенциал сегодня используется, а насколько пропадает. Известно, что наряду с позитивными эффектами глобализации на практике она несет целый ряд угроз (Ульрих Бек называет их рисками) и негативных последствий во всех названных выше измерениях.

В культурном измерении особому давлению подвержены локальные сообщества национального, этнического, регионального, языкового или религиозного типа. Глобализация в этом случае вызывает постоянное напряжение между глобальностью и локальностью, универсализмом и партикуляризмом. Роланд Робертсон одним из первых заметил, что в эпоху глобализации мы «являемся [...] свидетелями и участниками массивного двунаправленного процесса, который состоит во взаимном влиянии друг на друга универсализации партикуляризмов и партикуляризации универсализмов» [21]. В действительности, с которой мы имеем дело сегодня, оказывается, что универсализируется только минимальное число партикуляризмов. Это касается прежде всего широко понимаемой культуры Запада, особенно американской культуры. Наряду с оксидентализацией или же американизацией глобальной культуры функционируют партикуляризмы всего лишь как местные особенности, которые иногда и, как правило, на короткое время, имеют шанс попасть в циркуляцию основного течения глобализации. В качестве примеров из последних лет можно подать голливудский кинематограф, элементы нордической мифологии или турецкие телевизионные сериалы. Кроме того, только часть универсализмов партикуляризируется, то есть принимает форму местных мутаций, например, местные разновидности локальной демократии. В остальных случаях глобальные ценности, идеи, блага, услуги доходят к местным адресатам в универсальном виде (кока-кола, джинсы, нормы прав человека, нормы политкорректности). В результате видно, что на практике мы имеем дело с асимметричностью этих процессов [26].

Каким образом локальные сообщества справляются с влиянием универсализирующих, гомогенизирующих смыслов, которые приносит мейнстрим глобализации? Кроме ситуации полной дезинте-

грации локальной культуры, здесь возможны несколько стратегий. Первая, которую можно назвать адаптационной, состоит во включении (в более или менее значительной степени) в сети различного рода взаимосвязей с другими общностями. Как сформулировал это Анджей Маер, локальное сообщество, чтобы мочь существовать и развиваться в новых условиях, должно «приспособиться к требованиям, которые ставит глобальная система экономики свободного рынка. Это требует принятия норм и принципов, определяемых господствующими в современном мире идеологиями, а в то же время одобрения по крайней мере части [...] территориальных ценностей» [14, с. 37]. Эти «территориальные ценности» могут стать ценным ресурсом, вокруг которого конструируются стратегии идентификации и развития. Противоположным процессом адаптации глобализации к локальным условиям является глокализация, понимаемая как глобальное производство благ, услуг, ценностей, моды, информации и учитывающая локальный характер в той мере, которая делает возможными одобрение, усвоение и наконец признание «своими» всех продуктов [4].

Вторая стратегия, защитная, состоит в том, что локальное сообщество замыкается в себе. Это реакция на экспансивность мейнстрима глобализации, ее унифицирующую силу. В реалиях сегодняшней волны глобализации речь идет главным образом о защите от американизации культуры. Реакция этого типа имеет место особенно тогда, когда ценности, вытекающие из мейнстрима глобализации, являются весьма непонятными, крайне чужими, характеризуются значительной культурной дистанцией относительно собственной культуры и, что важно, в то же время члены локальной культуры, по крайней мере значительная их часть, не обладают знаниями и умениями, достаточными для усвоения и адаптации этих смыслов.

Третья стратегия связана с возрастающим осознанием разнообразности культурных образцов, политических и экономических решений. По влиянию глобализации возрастает, как уже было сказано, необходимость в собственной и групповой идентификации. Межкультурный контакт ставит в порядок дня необходимость ответить на вопросы «кто я?» и «чем я отличаюсь от других, а в чем похож на них?». Следовательно, стратегия локальных сообществ в этом случае состоит в переопределении, открывании, а иногда и создании собственной культурной идентичности.

В действительности указанные стратегии редко выступают самостоятельно. Как правило, одна из них доминирует над остальными. Следует также помнить о социальной дифференциации общностей, внутри которых могут существовать различные, а даже взаимоисключающиеся стратегии. Однако в каждой из трех стратегий видно, что глобализация парадоксальным образом возрастание значения локальной идентичности. Они являются источниками личных идентификаций, умещают общность в более широком контексте других культурных групп, устраняют дискомфорт, вызванный множеством точек соотнесения – идеологий, систем ценностей, способов действия.

Сегодняшняя волна глобализации приносит принципиально иной контекст формирования идентичности, чем ситуация стабильного и относительно замкнутого общества, где социальные изменения происходят медленно и путем эволюции, а на межпоколенческую передачу ценностей в очень малой степени влияют внешние факторы. Идентичность в таких условиях формируется местной традицией и идеологией, которую обеспечивают местные формальные социальные институты, такие как система образования, религия, обычаи. Глобализация принципиальным образом изменяет эту ситуацию. Радикальное социальное изменение, которое она несет с собой в настоящее время, можно проиллюстрировать тремя существенными процессами: релятивизацией, фрагментацией и детрадиционализацией. Релятивизация, на которую в контексте глобализации обращал внимание Роланд Робертсон [21], связана с распространением осознания существования множества дифференцированных стилей жизни, норм и ценностей, которые стоят за культурной социальной, политической или экономической дифференциацией мира и означают необходимость определения себя, своего близкого и дальнего социального окружения в глобальном контексте. С перспективы индивида это обозначает релятивизацию отношений с собственным сообществом – к примеру, национальной, которая до этого времени могла восприниматься как «естественная», постоянная и единственная социальная среда, в которой формируется идентичность индивида. Релятивизация может вести к снижению доверия, ослаблению привязанности к своему сообществу, а также к осознанию того, что оно является всего лишь культурным конструктом, а не универсальным и неизменным способом функционирования индивида в обществе и единственной формой общественной жизни [26, с. 219–220].

Фрагментация, в свою очередь, означает возрастание уровня усложненности международного пространства в сравнении с двухполностью мира, существующей до распада системы коммунистических государств. Существующая в то время, несмотря на выразительный раздел, связность и интегральность внутри обоих основных блоков государств существенным образом влияла в их рамках на формирование идентичности, особенно групповых идентичностей. Как отмечает Эдмунд Внук-Линипский, «в сегодняшнем глобализирующемся мире человек в намного большей мере, чем когда-либо раньше, одновременно функционирует по крайней мере в трех социальных порядках: локальном, национальном и глобальном. Эти контексты активизируют идентичности, которые перекрещиваются, накладываются друг на друга, а иногда являются взаимоисключающими» [26, с. 222]. В результате фрагментация социальной действительности может вести к фрагментации и усложнению идентичности индивидов и социальных групп.

Детрадиционализация, как известно из богатой научной литературы по этому вопросу, – это одновременно процесс осознания условности традиции, того что она является всего лишь культурным конструктом, который подлежит изменениям и историческим флуктуациям, и процесс ослабления ее влияния на безоговорочно принимаемые людьми и социальными группами ценности, нормы и образцы поведения, ослабления социального контроля, источником которого она является [6]. Согласно формулировке Энтони Гидденса, это процесс освобождения человечества от ограничений, накладываемых прошлым [8, с. 65]. Несмотря на то, что эти процессы являются основой изменений, которые уже долгое время несет с собой современность, сегодня они принимают форму весьма интенсивную и повсеместную.

Следствием релятивизации, фрагментации и детрадиционализации является постоянно растущее количество точек соотнесения, относительно которых формируются (и должны формироваться) индивидуальные и коллективные идентичности. При этом могут активизироваться противоречивые идентичности и появляется всеобщее ощущение когнитивного диссонанса в отношении все более сложной действительности. Бóльшая свобода индивидуального выбора и продвинутая автономия индивида в вопросах создания, творения собственной идентичности (супермаркетизация культуры [15]) могут иногда восприниматься как бремя, а не освобождение, и в результате порождать ряд проблем как психологического

(дезинтеграція личности), так и социального характера (социальная аномия). Этими явлениями и процессами объясняют ситуацию кризиса идентичности, в которой находятся индивиды и социальные группы, погруженные в третью волну глобализации.

2. Стратегии выхода из кризиса идентичности

Как в индивидуальном, так и в групповом измерении кризис идентичности может принять форму дефицита идентичности (неадекватные определения себя самого, отсутствие привязанности к определенным ценностям и целям, неустойчивость самоидентификации) или конфликта идентичностей (сосуществование многих основных определений себя самого, которые несогласованы или же взаимно исключают друг друга – например, необходимость выбора между европейскими и национальными ценностями или между чувством этнической принадлежности к меньшинству и национальной принадлежности к большинству). В групповом измерении (коллективная идентичность) кризис идентичности является результатом, в частности, уменьшения лояльности граждан к социальным институтам их государства, которые в условиях глобализации становятся все менее эффективными в реализации прежних функций, в том числе как источник культурной идентичности. В этом контексте говорится о различных рациональностях национального государства и глобального рынка, которые трудно согласовать друг с другом [26, с. 227–232].

К каким последствиям приводит кризис идентичности? Дефицит идентичности в индивидуальном измерении может проявляться в форме аксиологической дезориентации, нестабильных интересов и стремлений, хроническом чувстве страха, разочаровании, неуверенности, а в более серьезных случаях – в депрессии, враждебных чувствах касательно власти и прежних авторитетов, а даже в потере смысла жизни. В свою очередь, в групповом измерении он может привести к упразднению групповой лояльности, ослаблению ее активности и численности, а в результате даже к социальной дезинтеграции (распаду сообщества). Конфликт идентичности, в свою очередь, в индивидуальном измерении может проявляться в противоречии кардинальных целей в рамках сообщества, необходимость выбора между которыми порождает чувство «измены» ценностей, которые не были избраны, и связанное с этим чувство вины, а в групповом измерении – в расколах внутри сообщества, социальных подразделениях, характеристике оппонентов в категориях «изменщиков», «ненастоящих патриотов» и т.п. Здесь часто

действует механизм стигматизации другой стороны конфликта как «внутреннего врага» и механизм указывания «внутреннего чужого».

Как справиться с кризисом идентичности? С перспективы психологической кризис является ситуацией неудобной, нежеланной, порождающей ощущение дискомфорта. Типичной реакцией является поиск в связи с этим более прочных идентичностей, которые устранили бы указанную неуверенность. По мнению Эдмунда Внука-Липинского, здесь возможны две основные стратегии – локализм и космополитизм. Они ведут к возникновению групповых идентичностей вместо прежней государственно-национальной идентичности, основанной на функционировании современного национального государства как политического сообщества.

Первая из указанных стратегий связана с поиском более прочных идентичностей исходя из локального порядка, ниже уровня национального государства. Это своего рода «возвращение к источникам» или же «возвращение к корням». Примерами этого являются социальные инициативы, ведущие к определению национального сообщества в этнических категориях (этнификация нации [7]), ренессансу этничности, все большей «геттоизации» и замыканием в себе отдельных кругов, которые часто носят черты культурного меньшинства. Здесь характерны поиски, отыскивание или даже «придумывание» традиций определенных регионов, меньших и больших населенных пунктов. Все более распространенной практикой является определение идентичности места не в категориях более широкой национальной идентичности, а в категориях идентичности отдельной, независимой от национальных видений. Такие попытки сегодня можно встретить в Люблине, Кракове, Вроцлаве или Гданьске, то есть в городах, история которых характеризовалась в разный период разными этническими и национальными доминантами, создавая мультикультурные традиции и уникальную специфику этих мест.

Вторая стратегия связана с формированием космополитических идентичностей, выходящих за рамки национального уровня. Глобализация приносит в этом отношении много возможностей. Точкой соотнесения и источником новых идентичностей может быть макрорегиональный (например, славянскость, германскость, нордичность, кельтскость, суннитскость, салафитскость, арабскость), континентальный (например, европейскость, африканскость, азиатскость) или же глобальный контекст (например, бытие «гражда-

нином мира», глобальное движение в защиту окружающей среды¹ или в защиту прав человека). Не последнее значение для возникновения такого типа идентичностей имеют возможности, которые создают современные информационные и коммуникационные технологии, ослабление формальных барьеров в перемещении и его доступность в рамках расширения сети международного транспорта.

3. Случай Польши

Касается ли кризис идентичности, источником которого является глобализация, современного польского общества, и если да, то в какой мере? Ответ на этот вопрос можно пытаться найти в двух видах данных. С одной стороны, следует присмотреться к новейшим результатам социологических опросов на тему национальной идентичности поляков, а с другой стороны, многочисленные данные предоставляет актуальный общественный дискурс, особенно политический, в котором используемые аргументы касаются фундаментов, на которых функционирует сообщество. Использование триангуляции данных, в этом случае включение в анализ содержания общественного сознания и избранного содержания дискурса, увеличивает правдоподобность указания реально происходящих социальных процессов.

Результаты исследований социальных критериев польскости свидетельствуют о принципиальном постоянстве чувства национальной идентичности поляков. Оказывается, что начиная с 1988 года, то есть с момента проведения Центром исследования общественного мнения (ОВОР, в данное время «TNS Польша») исследования общественного восприятия черт, позволяющих признать кого-то поляком, неизменно на первый план выходит субъективный критерий («чувство бытия поляком») и культурно-конвенциональный критерий («знание польского языка»). Показатели респондентов в этих случаях регулярно превышали 90%. В динамическом аспекте изменения в процентных пунктах имеют низкие показатели, что указывает на общую стабильность выбираемых критериев во времени.

¹ Быть в наше время экологом значит не только заботиться об окружающей среде на всем земном шаре и вовлекаться в деятельность глобальных экологических организаций типа «Гринпис» или Всемирный фонд дикой природы, но и принимать участие в локальных общественных инициативах организаций, разбросанных по всему миру.

Таблиця 1.
Соціальні критерії польськості в 1988–1998–2008 зг.

Критерій	Відповіді в сумі: «очень важно» і «скорее всего, важно»					
	1988 %	1998 в %	2008 в %	1988–1998 зміщення в п.п.	1998–2008 зміщення в п.п.	1988–2008 зміщення в п.п.
Чувство бытия поляком	95	95	94	0 (0)	-1 (1)	-1 (1)
Знання польського мови	91	94	95	+3 (3)	+1 (1)	+4 (4)
Приналежність к громадянству Республіки Польща	82	84	81	-2 (2)	+3 (4)	-1 (1)
Польська національність по крайній мірі одного з батьків	81	79	79	-2 (2)	0 (0)	-2 (2)
Знання польської культури і історії	79	86	86	+7 (9)	0 (0)	+7 (9)
Дотримання польських звичаїв	78	82	79	+4 (5)	-3 (4)	+1 (1)
Постійне проживання в Польщі	66	70	69	+4 (6)	-1 (1)	+3 (5)
Народження в Польщі	63	63	59	0 (0)	+4 (6)	-4 (6)
Особливі заслуги перед Польщею	52	53	45	+1 (2)	-8 (15)	-7 (13)
Католицька віра	45	45	43	0 (0)	-2 (4)	-2 (4)

Джерело: власна розробка на основі видання «Społeczne kryteria polskości 1988–1998–2008, K.61/08», (Варшава: TNS OBOP, 2008).

Похожие результаты, касающиеся определителей национальной идентичности поляков в их сознании, были получены в ходе опроса, проведенного в 2005 году Центром исследования общественного мнения (Таблица 2). Его авторы спросили о том, какие черты являются решающими для определения принадлежности к польской нации. Респонденты могли выбрать две черты из предоставленного списка.

Таблица 2.

Что, по Вашему мнению, необходимо чтобы признать кого-то поляком? (в %)

	2005
Чтобы он сам ощущал себя поляком	69
Чтобы имел польское гражданство	34
Чтобы был польского происхождения – чтобы по крайней мере один из родителей был поляком	25
Чтобы постоянно жил в Польше	23
Чтобы разговаривал по-польски	20
Чтобы был католиком	14
Что-то другое	2
Затрудняюсь ответить	1

Источник: «Tożsamość narodowa Polaków oraz postrzeganie mniejszości narodowych i etnicznych w Polsce, BS/84/2005» (Warszawa: CBOS, 2005).

Как видно на примере обоих указанных исследований, национальная идентичность поляков намного большим образом основана на культурной связи (конвенциональная связь в терминологии Станислава Оссовского), чем на биологической (субстанциональной) – такие критерии доминируют в декларациях опрошенных [29]. Исключительное постоянство результатов, несмотря на существенные изменения социального контекста, цивилизационные, экономические, политические и культурные трансформации может означать, что национальное самоопределение (способ понимания польскости) является до такой степени глубоко укоренившимся в общественном сознании и неизменным общественным представ-

лением, что даже такие серьезные системные изменения, какие произошли на протяжении последней четверти столетия, не смогли на него повлиять. Основную роль в этом играют, несомненно, длительные социально-исторические процессы, а также тот факт, что национальная идентичность является одним из центральных элементов социальной идентичности поляков, на что указывают данные исследований Эвы Новицкой и Славомира Лодзинского [16, с. 59–64].

Таблица 3.
Структура коллективных идентичностей поляков (в %)

	1991 моло- дежь	1998 моло- дежь	1998 общепольская выборка
Я поляк/полька	71,9	85	83,7
Я мужчина/женщина	69,6	71,5	76,2
Я человек	63,7	61	56,2
Я верующий своей конфессии (напр., католик, протестант)	32,6	29	31,8
Я житель своего региона (напр. горец, силезец)	16,4	17	20,1
Я гражданин мира	17,2	17	6,7
Я европеец/европейка	11	11	9,2

Источник: E. Nowicka, S. Łodziński. U progu otwartego świata. Poczucie polskości i nastawienie Polaków wobec cudzoziemców w latach 1988–1998 (Kraków: Zakład Wydawniczy Nomos, 2001), с. 61.

Исследование социальных критериев принадлежности к определенному национальному сообществу, конечно же, не исчерпывает всех элементов, которые составляют феномен коллективной национальной идентичности. Анализ национальной идентичности поляков на основе последних опросов, касающихся отношений с соседними народами [1, 10, 17, 19, 20, 23] показывает, что существенными аспектами, влияющими на сознание содержания идентификации, являются контекстуальность и ситуационность. Как автопортрет поляков, так и расклад симпатий и антипатий к соседям и тем более оценка межгосударственных политических отношений содержат отсылки к актуальным событиям и международной ситуации [28].

Указанные выше опросы не дают однозначных сигналов распада национальной идентичности среди поляков. Не изменяется ни ее содержание, ни сила. Однако заметная в последние годы тенденция ослабления категоричности утверждения, какие черты являются решающими для признания кого-то поляком, может быть сигналом начала процесса более кардинальных изменений в этом отношении.

Переходя к другому типу данных, о которых уже говорилось выше, следует подчеркнуть, что в последние годы польская политическая сцена радикально поляризовалась. С одной стороны имеем правоцентристское формирование, олицетворением которого до недавнего времени являлась Гражданская платформа, а с другой находится лагерь, сосредоточенный вокруг партии «Право и справедливость». Конфронтация между этими лагерями принимает все более острые формы. Лозунг «польско-польской войны», которые в последние месяцы все чаще звучит в общественном пространстве, является попыткой сжатого описания данного положения вещей. Основной вопрос в контексте темы статьи звучит: в какой степени «польско-польская война» отображает кризис идентичности, вызываемый глобализацией и реальными социальными процессами, происходящими в польском обществе, а насколько является всего лишь действительностью, сфабрикованной политиками для нужд их политической деятельности. Впрочем, обе возможности не исключают друг друга.

Источники теперешнего конфликта можно искать в реальных социальных феноменах. Среди эндогенных аспектов, могущих объяснить его появление, вспоминают, в частности, последствия системной трансформации в Польше после 1989 года и тот факт, что она принесла с собой разделение на «выигравших» и «проигравших». Это проявилось, в частности, в расслоении социальной структуры, то есть в ситуации, в которой аспекты, описывающие социальное положение «выигравших» и «проигравших», четко коррелировали между собой. Это касалось таких аспектов, как разные оценки коммунистического прошлого в Польше и системных трансформаций, различия в экономической ситуации и уровне активности в общественном пространстве и т. д. [22]. На культурном уровне социальное деление объяснялось, например, через призму концепции культурной травмы. Пётр Стомпка утверждал, что польское общество переживает четыре вида травм: посткоммунистическую, системных реформ, слабость политической элиты

и IV Республики 2005–2007 годов [24, 25]. В длительной перспективе настоящую ситуацию связывают с традиционными чертами национальной идентичности поляков – с их склонностью к спорам и заседаниям, лабильностью и слабой волей, любовью к свободе и равенству, отдаанию предпочтения борьбе и развлечениям перед работой, традиционной дихотомией социальной шляхетско-крестьянской структуры и т. п. [12].

И все же, лозунг «польско-польской войны» кажется прежде всего выражением политизации социальных делений, вокруг которых два указанных политических лагеря мобилизуют группы поддержки. Их выразительная демонстрация, ведущая к двухполюсности общественного пространства, а в результате к разделу на «две Польши» и нарастающему социальному конфликту, имела место во время предвыборной кампании 2005 года с ее центральным лозунгом «Польша либеральной и солидарной» (хотя раньше политическая сцена была поляризована вокруг постсолидарностного и посткоммунистического лагерей). Процессы глобализации, приносящие в результате релятивизации, фрагментации и детрадиционализации указанное выше увеличение количества точек соотнесения и порождающие две стратегии преодоления кризиса идентичности – космополитизм и локализм, в случае Польши наложились на социальные деления, существующие сначала лишь на структурном уровне, а позже на уровне открытом (осознанном). И один, и другой путь преодоления на идентичностном уровне новых «рисков», несомых глобальными социальными процессами, укрепляет существующее в польском обществе базовое социальное деление и помогает идентифицировать основные опасения и нужды «двух польских племен» – их различные видения демократии, представления о принадлежности к сообществу (нации), определения, что значит быть хорошим гражданином, понимание патриотических позиций или ключевых принципов, на которые должно опираться присутствие Польши в Европе и мире и т. п.

Обе основные стратегии преодоления кризиса идентичности, источником которого является третья волна глобализации, присутствуют и все более заметны в польском обществе. «Космополитический» выбор заметен в кругах сегодняшней парламентской (Гражданская платформа, «Современная Польша», Польская крестьянская партия), и внепарламентской оппозиции (Комитет защиты демократии, Союз демократических левых сил). Кроме них существует целый спектр общественных организаций, сосредото-

ченних вокруг социальной проблематики левоцентристского толка. Несмотря на внутреннюю дифференцированность, для них характерно и в общем объединяет их подчеркивание таких ценностей, как либеральная демократия, защита культурных меньшинств, европейскости и глобальности, польскости в рамках европейского сообщества, мировоззренческой открытости и толерантности, инклюзивного патриотизма, (довольно часто) интеграции в рамках структур европейского Союза и (преимущественно) экономики свободного рынка. Выбор «локализма» характеризует сегодняшний правящий лагерь, а также различные правоконсервативные и праворадикальные круги. В среде этой части общества и ее публичных представителей преобладают лозунги ренессанса национального сообщества, эксклюзивного патриотизма, отказа от дальнейшей интеграции в рамках ЕС в пользу увеличения государственно-национальной суверенности, консервативных (иногда радикальных) правых мировоззренческих и римо-католических позиций, демократии с сильным руководством, экономики, опирающейся на равенство и социальную справедливость, а также на местные, национальные, а не заграничные экономические субъекты. Тем, что отличает оба лагеря, является разное понимание прошлого – как более, отдаленного (например, оценка II Республики, значения Варшавского восстания, культа «проклятых солдат»), так и недавнего (например, роль Леха Валенсы в демократических трансформациях, значение так называемых постановлений из Магдаленки и переговоров Круглого стола, достижений III Республики). Разницы проявляются также в самом языке и различной окрашенности значения некоторых общих слов. «Космополитическая Польша» предпочитает использовать слова «общество», «гражданин», «демократия», «правопорядок», в то время, как «локалистическая Польша» – слова «народ», «сообщество», «традиция», «воля народа». Такие понятия, как «Европа», «европейские стандарты», «Брюссель» или «заграничный капитал» для первых имеют позитивное звучание, а для вторых – негативное.

Таким образом, можно предположить, что называемый «польско-польской войной» социальный конфликт, источники которого кроются в легко идентифицируемых эндо- и экзогенных аспектах и процессах долгой, средней и краткой длительности, в настоящее время во все большей степени подвергается процессам политизации, а основным его предметом является спор относительно формы и характера коллективной идентичности польского общества

в ситуации их трансформаций также под влиянием глобализации. Основным следствием этого является все более ощутимый распад сообщества и общественного взаимодействия в Польше, что проявляется, в частности, стабильно исключительно низким уровнем общественного доверия и практикой исключения одной части общества из сообщества другой его частью. Обе стороны обвиняют друг друга в предательстве национальных интересов, определяют конкретных представителей противоположного лагеря в категориях «предателей», «людей худшего сорта» или «ненастоящих поляков». Эти культурные практики исключения из национального сообщества проводят линии раздела и делят людей на «своих» и «чужих», указывают «внутреннего врага». Это эффективный способ мобилизации собственных «одноплеменников», являющийся в то же время губительным для чувства сообщества и социальной связности. В этой ситуации все труднее вести диалог, достигать взаимопонимания и объединения жизни в сообществе. Зато преобладающим способом устранения идентичностного конфликта являются стремления к доминированию одной из взаимоисключающихся идентичностей и устранение другой из них из общественной жизни. В качестве инструментов этих практик могут применяться, например, обновление кадров в государственных учреждениях (например, путем изменения принципов назначения на должности или реорганизации учреждений), историческая политика (новые национальные праздники, новые музеи), изменения в образовательных программах (изменения списка литературы для обязательного чтения в школе, новый программный материал), изменения в праве (например, изменение статуса Конституционного трибунала, попытки введения более сурового закона об абортх), налоговая система (банковский налог, налог с оборота), социальная политика (программа «Семья 500+») и многие другие. В этой аксио-нормативной атмосфере и климате формирования идентичности все легче принять решение об «отказе от лояльности» своему государству и своему сообществу, а также об «уходе» из жизни сообщества и эмиграции.

Перевод с польского: Андрий Савенец

Литература:

1. Autoportret Polaków i postrzegany dystans kulturowy wobec sąsiadów. Komunikat z badań nr 126.2015. – Warszawa : CBOS, Wrzesień 2015. – 6 s.

2. Axford B. *The Global System. Economics, Politics and Culture* / Barrie Axford. – Chicago : Polity Press, 1995. – 250 p.
3. Bauman Z. *Globalizacja : I co z tego dla ludzi wynika* / Zygmunt Bauman. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 2000. – 157 p.
4. Bauman Z. *Glocalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja* / Zygmunt Bauman // *Studia Socjologiczne*. – 1997. – Nr 3. – S. 53–69.
5. Castells M. *The Power of Identity* / Manuel Castells. – Malden : Blackwell Publishing, 1997. – XV + 461 p.
6. *Detraditionalization* / Ed. Paul Heelas, Scott Lash, Paul Morris. – Cambridge, Mass. : Blackwell Publishers, 1996. – IX + 347 p.
7. Friedman J. *Global Crises, the Struggle for Cultural Identity and Intellectual Porkbrelling: Cosmopolitans versus Locals, Etnics and Nationals in an Era of De-hegemonisation* / Jonathan Friedman // *Debating Cultural Hybrydity. Multicultural Identities and the Politics of Anti-Racism* / Ed. Pnina Werbner, Tariq Modood. – London-New Jersey, 1997. – P. 70–89.
8. Giddens A. *Runaway World. How Globalization Is Reshaping Our Lives* / Anthony Giddens. – New York : Routledge, 2000. – 124 p.
9. Hirst P., Thompson G. *Globalization and the Future of the Nation-State* / Paul Hirst, Grahame Thompson // *Economy and Society*. – 1995. – T. 24. – Nr 3. – P. 408–442.
10. *Jak Polacy postrzegają sąsiadów. Komunikat z badań nr 124/2015* / Warszawa : CBOS, Wrzesień 2015. – 12 s.
11. Kempny M. *Globalizacja* / Marek Kempny // *Encyklopedia socjologii*. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 1998. – S. 241–245.
12. Lewandowski E. *Charakter narodowy Polaków i innych* / Edmund Lewandowski. – Warszawa : WWL Muza, 2008. – 376 s.
13. Luke T. W. *New World Order or Neo-World Orders : Power, Politics and Ideology in Informationalizing Glocalities* / Timothy W. Luke // *Global Modernities* / Ed. Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson. – London : SAGE Publications, 1995. – P. 91–107.
14. Majer A. *Lokalność w cieniu globalizacji* / Andrzej Majer // *Annales UMCS. Sectio I*. – 2011. – Vol. XXXVL. – Nr 2. – S. 27–46.
15. Mathews G. *Supermarket kultury. Globalna kultura – jednostkowa tożsamość* / Gordon Mathews. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 2005. – 307 s.
16. Nowicka E., Łodziński S. *U progu otwartego świata. Poczucie polskości i nastawienie Polaków wobec cudzoziemców w latach 1988–1998* / Ewa Nowicka, Sławomir Łodziński. – Kraków : Zakład Wydawniczy Nomos, 2001. – S. 59–64.
17. *O stosunkach z sąsiednimi krajami – relacje polityczne a nastawienie do nacji. Komunikat z badań nr 30/2015*. – Warszawa : CBOS, 2015. – 9 s.

18. Ohmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies / Kenichi Ohmae. – New York : The Free Press, 1995. – X + 214 p.
19. Opinie o nastawieniu krajów sąsiedzkich do Polski. Komunikat z badań nr BS/71/2011. – Warszawa : CBOS, 2011. – 4 s.
20. Polacy o stosunkach polsko-rosyjskich i polityce wschodniej Polski. Komunikat z badań nr 77/2014. – Warszawa : CBOS, 2014. – 13 s.
21. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture / Roland Robertson. – London : Sage Publications, 1992. – X + 211 p.
22. Słomczyński K. M., Janicka K. Pęknięta struktura społeczeństwa polskiego / Kazimierz M. Słomczyński, Krystyna Janicka // Polska. Ale jaka? / Red. Maria Jarosz. – Warszawa, 2005. – S. 162–184.
23. Stosunek do innych narodów. Komunikat z badań nr 14/2015. – Warszawa : CBOS, 2015. – 10 s.
24. Sztompka P. Trauma IV RP // Dziennik (dodatek «Europa»). – 24.03.2007 r. [Эл. рес.] – Режим доступа : <http://www.dziennik.pl/dziennik/Europa/article46351.html><http://www.dziennik.pl/dziennik/Europa/article46351.html> (Дата доступа : 9.04.2016 r.).
25. Sztompka P. Trauma wielkiej zmiany. Społeczne koszty transformacji // Piotr Sztompka. – Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN, 2000. – 117 s.
26. Wnuk-Lipiński E. Świat międzyepoki. Globalizacja. Demokracja, państwo narodowe / Edmund Wnuk-Lipiński. – Kraków : Wydawnictwo ZNAK, ISP PAN, 2004. – 335 s.
27. Wosińska W. Oblicza globalizacji / Wilhelmina Wosińska. – Sopot : Smak Słowa, 2010. – 448 s.
28. Wysocki A. Polish National Identity in the Regional Context: An Analysis of Selected Public Opinion Surveys on the National Auto-stereotype and Perception of Poland's Neighbours, 1993–2015 / Artur Wysocki // Identities of the Nations Central and Eastern Europe / Ed. Volodymyr Yevtukh, Ganna Kisla, Artur Wysocki, Andrzej Jekaterynczuk. – Kyiv, 20160 (в печати).
29. Wysocki A. Social Change and Identity in Poland : The Social Criteria of Polishness, 1988–2008 / Artur Wysocki // Contemporary Problems of Social Change : Polish and Ukrainian Experience / Ed. Volodymyr Yevtukh, Ryszard Radzik, Ganna Kisla. – Kyiv : Publishing House «Scientific Production Association «Interservice» LTD», 2015. – P. 83–96.